

Н

овый телевизионный канал "Культура" еще как будто примеривается к своему будущему образу. Трудно пока определить не только его судьбу, но и пристрастия, поэтому, наверное, с какой-то радостной открытостью воспринимаешь отдельные передачи, пытаешься именно по ним выстроить то здание, у которого и фундамент еще не завершен.

Одной из таких стала для меня передача под названием "Если бы знать...", посвященная 100-летию МХАТа (авторы — Владлен Давыдов и Тамара Евенко). Она захватила своей удивительной атмосферой, которую могут создать сегодня едва ли не одни лишь документальные кадры, фотографии и голоса из прошлого. Все это и составило содержание маленького фрагмента, из цепочки которых возникает в своей волнующей, завораживающей силе прошлое. Наше общее прошлое, то единственное, что способно хотя бы эмоционально связать самых разных, разделившихся по доброй воле и разъединенных обстоятельствами людей.

Множество фотографий, скупо снятые эпизоды старых-старых спектаклей, давно ставших легендой, пожелтевшая хро-

За занавесом

ника, в которой оживают голоса и лица Вл.И.Немировича-Данченко и совсем юного Дмитрия Шостаковича, К.С.Станиславского и М.П.Лилиной, М.А.Чехова, О.Л.Книппер-Чеховой, от молодой и вызывающе красивой до глубоко состарившейся женщины, перед которой стоит на одном колене студент Школы-студии Владлен Давыдов, целующий Ольгу Леонардовну руку и обещающий сохранить память об ушедших.

Разве может это не волновать, не тревожить, не вызывать какие-то неведомо-высокие и забыто-светлые чувства из самых глубин души? Сегодня, когда на дворе царят и правят совсем иные времена, иные голоса и иные лица объявляются кумирами.

Тем сильнее и горше звучит: "О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было..." Неужели это сбылось, и прошлое все дальше уходит от нас, не оставляя по себе ничего?

За те тридцать с небольшим минут, что длилась эта передача, я успела испытать сильнейшее чувство внутреннего раскола, никогда прежде не ощущаемого мною с такой остротой. Хрестоматийная чеховская цитата, финальные слова Ольги из "Трех сестер", разделились на настоящее и будущее.

Но совсем не то, прозоровское, настоящее, что звучало в них на заре нашего столетия.

Совсем не то гипотетическое будущее, о котором грезили сестры, барон Тузенбах, полковник Вершинин. Время расставило свои акценты, а они ранят несовпадением с чеховскими.

И остался лишь трагический рефрен: "Если бы знать, если бы знать!"

Когда Владлен Давыдов в Музее МХАТа, где снималась передача, поворачивался то к одной фотографии, то к другой,

— они словно оживали под взглядом человека, посвятившего свою жизнь сохранению живой памяти. Они оживали головами персонажей громких мхатовских постановок, собиравших у дверей театра те толпы, которые запечатлела хроника. Они вновь смешили явно любительскими съемками артистов на отдыхе, весело танцующих Качалова, Москвина, Книппер-Чеховой, Лилиной. Они до слез трогали фрагментом совсем, казалось бы, недавнего спектакля Анатолия Васильева "Соло для часов с боем" и давнего легендарного "Царя Федора Иоанновича" со сдерживаемым плачем Москвина: "Я хотел добра..."

Они казались нашим настоящим.

Наверное, потому что сделанная с любовью и трепетом передача всегда дышит подлинностью.

И тогда, словно и не прошло почти ста лет, вновь начинает звучать смущенная наша надежда. Теми же словами из финала "Трех сестер", такими простыми и такими завораживающими словами: "...но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир наступят на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!"

Занавес.

Как не хочется думать, что за ним — черная пустота безнадежности.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Экспонат и сценарий

- 1994. - 13-20

нояб - с. 6